Владислав Женевский

Дэнни

Однажды, когда мир ещё не сдвинулся с места, был отель, была в нём закрытая дверь, и стоял перед ней мальчик. Звали его Дэнни.

В его широко распахнутых глазах, словно маленькие звёзды, блестели три отражённые цифры – двойка, единица, семёрка.

Огромная, ужасная сила таилась за порогом, который он хотел и боялся переступить. Даже ночью – особенно ночью – мальчик слышал её неумолкающий зов. Но он только сворачивался, как ёжик, и обхватывал колени руками. Ему думалось, что так безопаснее.

Кроме него и его родителей, людей в отеле не было. Дэнни не находил себе занятия и слонялся весь день по коридорам, топча мягкие ковры – синие, с чёрным узором. Он старался ступать ближе к краю, потому что сплетение линий напоминало ему заросли ползучих растений. Иногда он почти был уверен, что видит, как они шевелятся.

И как бы он ни старался, он неизбежно оказывался перед номером 217. Он застывал, словно завороженный, и смотрел, смотрел… Опомнившись, он убегал.

Но в тот день в его нагрудном кармане лежал взятый без спроса ключ Дэнни был обречён.

Он осторожно приблизился к двери. Сердце его стучало так громко, что он уже не слышал, как бьёт в окна третьего этажа вьюга. Он достал ключ и вставил его в скважину. Он выждал минуту – ничего не произошло, только ощущение силы будто стало крепче. Тогда он повернул ключ. Замок щёлкнул, и такой это был привычный, обыкновенный звук, что мальчик сразу осмелел. Он толкнул дверь.

И, изумлённый, отшатнулся.

Когда папа брал его с собой в поездки, Дэнни жадно впитывал всё, что видел в окне автомобиля. Белые церкви, жёлтые поля, фермы, мосты – всё было ново и чудесно. Но в особенный восторг его приводили радиовышки. То и дело одна из них вставала вдали, на каком-нибудь лесистом холме – одинокая, гордая. Дэнни боялся высоты, но ему очень хотелось забраться на вышку, чтобы увидеть всё сверху. Жутко хотелось. Может только, чуть меньше, чем позже – открыть дверь номера 217.

И какими же малютками казались те металлические иглы в сравнении с этой огромной, таинственной тёмной Башней! Она взрезала оранжевые небеса мира, которого просто не могло быть. Алое море плескалось у её подножия – это были розы, любимые цветы его матери. Над полем стояло низкое гудение, и Дэнни догадался, что это не пчёлы, а сами цветы поют… поют… поют…

От Башни на большой высоте, полускрытые бесконечным хороводом облаков, отходили светящиеся канаты. Они выглядели совсем тонкими.

“Дэнни” © Женевский В.А., 2005

Любовь, превосходящая понимание, превосходящая любовь к отцу, к матери, наполнила Дэнни. Он забыл, что совсем рядом, за стеной «Оверлука», беснуется снежная буря. Ещё чуть-чуть, и он бросился бы к Башне со всех ног, до крови царапая руки о колючие стебли.

Но вдруг, появившись откуда-то слева, Башню заслонил высокий, во весь дверной проём силуэт. Внутри Дэнни как будто что-то оборвалось.

Чёрный человек, это чёрный человек, – подумал Дэнни.

Чёрный человек прислонился к косяку. Лицо его оставалось невидимым, только белки глаз поблёскивали.

– Привет, дружок! – сказал он, – Представь себе, как раз к тебе собирался, а ты уже и сам идёшь! Что ж, похвальное желание. Есть одна работёнка, которая тебе по плечу. Ты же у нас не лодырь, так? Котелок у тебя варит что надо. Ты только будь хорошим мальчиком, и старину Теда, я так думаю, можно будет отправлять на пенсию. Без него управимся.

Чёрный человек смачно сплюнул прямо на ковёр. Дэнни не мог вымолвить ни звука.

– Что застыл-то? Никто тебя там не обидит. Ты не начинай про мамочку и папочку, лады? Батя твой алкаш, каких поискать. В один прекрасный вечер пришибёт и тебя, и мамку. Оно тебе нужно? Нет, ты не думай, я не потому это говорю, что особенно убиваться по тебе буду. Мне ты, дружок, на хрен не нужен. Но дело есть дело. Пойдём! – заключил чёрный человек и улыбнулся.

Зубы у него были белоснежные.

И острые.

Дэнни закричал – но не ртом.

ТОНИ! ТОНИ! ТОНИ!

И Тони пришёл.

Дэнни оказался в комнате, похожей на контору управляющего, что находилась на первом этаже «Оверлука». Вот только стен здесь не было. Картины висели в пустоте, и, куда ни глянь, их окружала тьма.

За столом сидел Тони. Дэнни впервые видел его так отчётливо и близко, но ему казалось, что тот повзрослел. Тони был одет в чёрную куртку с золотыми позументами – такие в фильмах носят мальчишки-лифтёры. Но он сидел, сложив руки домиком, как какой-нибудь начальник, и глядел Дэнни прямо в глаза.

– Здравствуй, Дэнни. Я сейчас буду говорить очень странные вещи, но ты не удивляйся. Времени очень мало. Слушай внимательно.

Ничего другого Дэнни сейчас и не смог бы делать. Он ещё не оправился от пережитого ужаса.

– Ты видел Башню?

– Да, Тони.

– И как ты думаешь, зачем тот человек пришёл за тобой?

Дэнни знал ответ. Тот стоял в голове Чёрного Человека, как огромный рекламный плакат.

“Дэнни” © Женевский В.А., 2005

– Он хочет, чтобы я помог ему сломать какой-то луч. Но я не понимаю, Тони!

– Слушай. Это не простая башня. На ней держатся все миры. Все, понимаешь? – голос Тони был холодным, чужим. – Ну как же тебе объяснить… Вот смотри. Представь себе старое дерево. На нём живут и птицы, и белки, и насекомые, и грибы всякие. Живут себе, не тревожатся. А тут бац! – налетает ураган, дерево падает, и все, кто на нём, – вместе с ним. Так вот, Башня – то же дерево. Америка, да и вся Земля (ты же знаешь про Землю?) – одно из птичьих гнёзд. А Лучи – корни. Если подпилить корни, то дерево тоже упадёт.

– Но при чём тут я? – Дэнни едва не плакал.

– Да при том, что осталось всего два Луча, а в тебе силы хватит, чтобы свалить оба! И они заставят тебя! Тогда конец всему! Всему, понимаешь? – Тони привстал, упершись руками в стол, и взгляд его стал ещё жёстче.

– Тони, чего ты хочешь?

Тони немного успокоился и вернулся в кресло.

– Я поговорил с руководством отеля…

Руки Дэнни стали ледяными, хотя ни тепла, ни холода здесь не чувствовалось.

…и оно согласилось помочь. Больше помощи ждать неоткуда. Дэнни, всё зависит от тебя. Ты хочешь спасти Башню?

Дэнни кивнул.

– Или хочешь попасть в лапы к этому человеку и другим, не лучше его?

Дэнни мотнул головой.

– Тогда слушай. Отель готов защитить тебя от них, но взамен он хочет, чтобы ты исполнил одно поручение.

И Тони сказал, какое именно.

– *Нет! Ни за что!* – крик вырвался изо рта Дэнни мгновенно, сразу же за последним словом, произнесённым Тони.

Лицо того помрачнело.

– Ну что ж. Посмотри-ка тогда на это!

И всё изменилось.

Дэнни очутился посреди широкой улицы (серые одноэтажные дома напомнили ему Боулдер), которая на некотором расстоянии от него переходила в шоссе, уходящее куда-то к горизонту. Город обрывался резко, сразу за ним начинались ровные – ни деревца – зелёные поля. От этого небо казалось необычайно высоким, оно занимало больше половины кругозора.

Слева и справа от Дэнни тянулись тротуары, и по ним прогуливались люди – мужчины, женщины, дети.

Дэнни видел всё это ясно, без дымки, которая обычно сопровождала его видения.

Вдруг раздался чудовищный треск – будто тысяча молний прогремела разом. Из всех окон брызнули стёкла, по асфальту побежали трещины-морщинки. Люди попадали. Мальчик увидел, как из ушей и глаз у них хлынула кровь Сам Дэнни

“Дэнни” © Женевский В.А., 2005

ничего не почувствовал. Он хотел побежать, но не смог, и понял, что находится здесь на правах зрителя.

Всё стихло. Люди на тротуарах дёргались, как полураздавленные насекомые.

Треск повторился. На этот раз он был сильнее. Вокруг Дэнни всё превращалось в развалины, но он этого не замечал, потому что смотрел на небо. Оно расползалось, рвалось, как непрочная ткань. В прорехах переливалось что-то серебристое.

А потом из них поползли тени.

Вспышка – и Дэнни уже был в новом месте, на перекрёстке в каком-то крупном городе. Над ним уходили ввысь небоскрёбы – раньше он видел их только по телевизору. От неба осталось всего несколько заплаток, но и они стремительно таяли, уступая место сверкающей мути. Верхушка самого большого, ближайшего к Дэнни здания исчезала: что-то смутно напоминающее майского жука поглощало её, как какой-нибудь малыш – сливочное мороженое. Вокруг метались люди. Бахали выстрелы, но страшнее были другие звуки – вкрадчивые, похожие на звон колокольчиков.

Ещё одна вспышка – и Дэнни стоит на краю пропасти, а вокруг него рушатся горы

Вспышки следовали одна за другой, учащаясь, и везде Дэнни видел смерть.

– *Прекрати!* – завизжал он, – *Я сделаю это, сделаю, только прекрати! Пожалуйста!*

И он снова был в комнате без стен, рядом с Тони. Тот нервно улыбался.

– Ты сделал правильный выбор. Дэнни, пойми, иначе никак нельзя. Я пробовал их переубедить, но всё бесполезно. Я горжусь тобой. А теперь иди!

Тони поцеловал Дэнни в лоб… и исчез. Мальчик вернулся в коридор, застланный сине-чёрным ковром. Дверь, за которой он увидел Башню, была закрыта, и он знал, что пока даже столь могущественное существо, как то, что явилось за ним, не сможет сюда проникнуть… потому что он был под защитой.

Он двинулся к главному холлу третьего этажа. Растения под ногами шевелились, но он не обращал на них внимания.

Он медленно спускался по главной лестнице, а «Оверлук» тем временем оживал. Повсюду отворялись двери. В коридоры выходили обитатели отеля. Некоторые из них были в масках, лица других – разлагающиеся, пятнистые лица – оставались открытыми. Не слышалось ни смешка. Десятки мёртвых глаз буравили мальчика, который механически переставлял ноги по ступеням.

Когда он проходил по площадке второго этажа, что-то противно чавкнуло: одетый в смокинг мужчина, у которого не хватало полголовы, захлопал в ладоши. Его поддержала соседка, потом ещё одна, и ещё, и вот уже все постояльцы «Оверлука» рукоплескали Дэнни.

Так надо, так надо, так надо, так надо – два слова заполняли сознание мальчика, он цеплялся за них, подходил с той, с другой, с третьей стороны… а тело его перемещалось само по себе.

“Дэнни” © Женевский В.А., 2005

На пустом первом этаже Дэнни прошёл на кухню, взял то, что ему было нужно, и двинулся обратно.

Аплодисменты стихли. Ему не хотели мешать.

Дэнни открыл дверь в родительскую спальню. В ней царил приятный полумрак. И папа, и мама лежали на кровати – папа на спине, мама у него под боком. Оба крепко спали – рукоплескания мертвецов предназначались для ушей одного Дэнни. Мальчик подошёл к кровати, стараясь не шуметь.

Спящими они казались очень счастливыми.

Дэнни осторожно забрался на кровать и подполз к папе. Губы того подрагивали.

– Я люблю тебя, папа, – прошептал Дэнни.

Грудь Джека двигалась тяжело, будто её придавливала какая-то тяжесть.

Дэнни приставил кончик ножа к горлу папы, зажмурился и надавил на ручку обеими руками. Раздался тихий свистящий звук. Мальчик подождал, затем потянул ручку обратно.

То же самое он проделал с мамой.

Потом он слез с кровати, положил нож на пол и сел, обхватив коленки.

Его щёки блестели от влаги, но он не плакал.

Она будет стоять.

И его сила смешалась с силой «Оверлука»…

Где-то последний стрелок Гилеада получил пулю в голову, и Ломатели довершили начатое. Они обошлись без Дэнни. Башня рухнула, увлекая за собой бесчисленные миры, и всё существующее погрузилось во мрак. Всё сдалось пустоте, даже серебристые тени тодэша оказались перед ней бессильны.

Но осталось где-то окно. Перед ним стоит ребёнок и слепыми глазами смотрит в вечность.

Он сияет, но увидеть этот свет некому.

“Дэнни” © Женевский В.А., 2005